

Трудный класс **(повесть классного руководителя)**

Трудоустройство

Годам к 28, имея немалый стаж учительства, я пришел в РОНО (районный отдел народного образования) с целью устроиться на работу в другую школу. Заведующая РОНО пышная, высокая, цветущая женщина, окинув меня взглядом весело заявила, как будто мы были давно знакомы:

– А для Вас, молодой человек, у меня есть трудный класс. Говорят, с ним никто не справляется. Вы мужчина: вон какие усы отрасли. Возьмете?

– А чем он трудный, если о нем даже в РОНО знают?

– Новый микрорайон города. Заселялся он рабочими Газзавода. Квартиры получали и такие, которые сидели «на химии» (условно освобожденные из тюрьмы). В вашем 7б классе, пожалуй, и родители трудные, многие пьянствуют.

– Вы говорите «в Вашем», как будто я его уже взял.

– Ну, а кому его отдать, молоденькой учительнице литературы, которая будет бегать к директору со слезами?

Руководство в трудном классе я выторговал у заведующей на необыкновенных условиях: через неделю после начала учебного года мы могли отправиться всем классом в горный поход на Кавказ (!).

Сейчас даже трудно припомнить знакомство с классом. Совсем не помню, о чем мы говорили, но несколько ярких характеров выделялись сразу по глазам; выделялась также грубость, характерная шпане. Объявление о походе, да еще в горы многих озадачило. Что это за оригинал явился: действительно поход состоится, или ждёт, когда мы откажемся? Многие не верили в поход, но вызов приняли все. Подросток, особенно «трудный», весь состоит из вызовов. Несколько человек, считающихся отъявленными хулиганами, демонстрировали мне враждебность. В школе среди параллельных классов сразу ажиотаж образовался: хорошо быть трудными, их в поход с учебы забирают. Педколлектив, в который я влился, тоже неоднозначно реагировал. Кто-то из блаженных преподавателей сожалел, что мои полкласса двоечников упустят за две недели что-то важное в программе; другие представляли, как я намучаюсь с такой ордой в далекой поездке, и выражали наперед соболезнования. Учитель французского языка (впоследствии мы подружились, как коллеги), один из немногих мужчин школы формулировал не без ехидства, что класс достоин классного руководителя: номера любят выкидывать не только дети.

Как бы то ни было, мы подготовились к походу. Но за пару дней до выезда директор школы вызвав меня к себе объявила, что приказ о походе не подпишет и уже поговорила об этом в РОНО.

Я помчался в РОНО с неприготовленным выражением лица.

– Вы же обещали!? – Ворвался я в кабинет.

Зав Роно не сразу поняла в чем дело... Напомнив «трудный» класс, я ей что-то пламенно говорил, вернее сказать, кричал... и вынудил все-таки подписать нам приказ.

Впоследствии, год спустя на учительской конференции, когда заведующая говорила о должном энтузиазме учителей, она ставила меня примером:

– Он сотрясал стены в моем кабинете! Он хватал меня за грудки, но своего добился!

Конференция, живо воображая сцену, рассказа давилась от смеха. Ухватиться действительно было за что. Это было то золотое время, когда учителю во имя правого дела прощались и такие выходки. Сегодня бы меня объявили террористом и тут же уволили.

Билеты на поезд для путешествия у нас куплены только в одну сторону: из Оренбурга в Минводы. Мало ли как получится с маршрутом. «Француз» с физруками в учительской хохмили, что везти класс обратно я не захочу. Молодой учительнице биологии нравился мой порыв в работе, но она заодно приглядывалась – в здравии ли я.

Поход на Кавказ

В поезде ехать двое суток. Моя молодежь хулиганит, но не очень сильно. Несколько человек курят не демонстративно, но и не особенно прячась. Порядок больше наводит Владимир Петрович, а я жду реванша в горах.

Петровича я попросил помочь с походом. Образ у него колоритный, как раз что нужно шпане: в глазах часто вспыхивает озорная улыбка, но настроение может меняться до свирепости. Ростом он пониже меня почти на голову, но пошире раза в полтора. Мастер спорта по гимнастике и альпинист. У него на физиономии написано: ниже, чем в «пятерки» не ходит (пятая – высшая категория сложности походов и восхождений). И ещё он боролся очень сильно. Участь на физкультурном факультете, бодался иногда с мастерами спорта по вольной борьбе. Мы с Володей дружим с 10 класса. Вместе занимались спортом в школе, правда, он борол меня тогда «одной левой». Володя ещё – мастер эффектов. Он мог пристально поглядеть в глаза и ничего не сказать, также прыгнуть с высоченной скалы в воду, не зная глубины брода. Или подойти к семикласснице и невзначай заметить: «У тебя улыбка, как у Сенчиной...», – имелась в виду актриса, красавица нашей эпохи. И семиклассница верила Владимиру Петровичу.

Город Минводы встречает туристов отовсюду. Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Железноводск, Лермонтов – курортные места для людей степенного возраста нас могли только расслаблять. Остановка на одну ночь в палатках была сделана около склонов горы Змейка. Среди ровных степей Ставрополя выступают вдруг давно потухшие конусовидные вулканы: Машук, Бык, Змейка, Железная. Наиболее высокий из них – Бештау поднимается на 1400 метров. Уже с этих окрестностей в густой дымке виден главный Кавказский хребет и особенно выступающий двуглавый Эльбрус. Нам добираться дальше как раз в сторону горы-великана по Баксанскому ущелью в Терскол.

Мы поужинали борщом, сваренным на костре, и поставили палатки. Около костра в романтическом настроении пребывали в основном девочки, а мальчики буйствовали на природе: сражались палками, издавали вопли, боролись на траве. Все радовались свободе. Когда надоело беситься, на ночь глядя, ко мне подошли три богатыря Данилов Дима, Корунчиков Андрей и Буровин Антон.

- Можно мы погуляем?
- Можно, но прийти не позже 11 ночи.

Склоны холма и отсутствие луны создавали абсолютную темень. Я попросил молодцев не лезть в гору. О безопасности в горах говорилось прежде. Можно было бы не разрешать прогулки, но не разрешать ещё много чего придется, очевидно, в более сложных обстоятельствах: впереди горный поход. Это была ошибка не инструкторская, а педагогическая. Класс надо было утомить, выйдя из поезда: ужин разумнее пропустить, палатки поставить в ночи, а до захода солнца сходить радиально на любой из соседних куполов. Желание срочно совершить подвиг тогда бы у всех пропало.

Отпросившиеся вовремя не пришли. Я пошел поискать их, но куда там. Кругом лес, расщелины, уходящие по куполу неровные долины. Гора к тому же имеет крутые уступы. На мой крик отвечало только эхо. В ночи рельеф горы рисовал лермонтовские картины из «Мцыри». Через час я вернулся к костру. Ребята тоже переживали за отсутствующих.

К двум часам ночи появились пропавшие. К костру они подошли с поникшими головами. Петрович зыркнул на меня с ухмылкой; ему интересно, как будет педагогически размазана ситуация.

– Почему к назначенному времени не пришли? – спросил я, стараясь выглядеть спокойнее.

- Мы чуть со скалы не сорвались... заблудились и ушли...
- Теперь всё поняли?
- Да-да, конечно...
- Давайте ложиться спать.

Длинно морализовать было неуместно: безобидная гора и без того поучила самонадеянных подростков. Подростки рвутся на подвиги, а хулиганье – особенно: куда ж ещё себя девать от избытка сил?

Из оренбургских степей мы сразу оказались в снегах Главного Кавказского хребта. Никто ранее из школьников гор не видел. Из лета мир преобразился в зиму. Мы топали с рюкзаками ещё не по снегу, но над нами сияли седые вершины. Сзади вздымался Эльбрус, а впереди взгляд упирался в стену Донгуз-Орун, на которой почти вертикально висят ледники. Где-то по долине прячется от нас одноименный перевал. Его высота около 3200 метров, он категорийный, трудностью 1А и может быть очень суров в непогоду. Лучшее пожелание в горах, это пожелание хорошей погоды. Погода вроде ещё держалась, но были все признаки, что она может закапризничать.

До перевала четыре часа хода и с него довольно крутой спуск – это задача завтрашнего дня. Сегодня нужно надежно устроить лагерь. Вполне возможно ночью станет холодно и пойдет дождь со снегом. Палатки-памирки укрепляем не только колышками, но и растягиваем стропами за принесенные большие камни. До ужина все идет хорошо, но насытившись, самых буйных начинает надирать: вульгарно выражаются, кривляются друг перед другом, девочки визжат. Собственно, трудный класс этим и отличается, что проводить время без дури не умеет. Я поскандалил с Корунчиковым... Осаждать постоянно эту дурь, да еще и

перед перевалом, кажется мне оскорбительным. Предлагаю Петровичу бросить всех и уйти из лагеря; пусть дети сами намаются от себя. Петрович довольно усмехается:

– Да уж, этих лучше поучить.

Мы тут же взяли свои рюкзаки и ушли искать ночевку в тиши.

Понятно, что педагоги и родители такую меру не одобрили бы и завопили об ответственности. Но, слава богу, их рядом не было. Хотя будь рядом, они удивлялись бы: до какой степени могут ошалеть дети. Нам же с Петровичем надо было помочь распоясанным школьникам, понять, что мы все в горах нужны друг другу, что впереди маршрут и необходимо привычные припадки притормозить.

Рано утром несколько девочек встретили нас умоляюще:

– Пожалуйста, вы больше от нас не уходите!

– Мы в горах тишину любим, – философски ответил Петрович.

Утром еду не варили, завтракали сухомяткой. Вид у многих помятый и не выспавшийся. Долго собираем раскиданное барахло.

– Мам здесь нет, чтоб прибрать деткам вещи, – покрикиваю я повелительно и тороплюсь со сборами.

Барахло на поляне – есть полная характеристика его владельцев. Эта истина известна многим альпинистам и любому инструктору. Я не могу как Шерлок Холмс по следам и прочим признакам угадывать свойства и качества людей, но потому как собирает рюкзаки с утра школьная группа, могу увидеть каждого ученика до седьмого его колена. У кого дома аккуратно и дети участвуют в наведении порядка, у тех и с рюкзаками получается все ловко. Неловких в каждой группе не так уж много, и в первые походные дни по утрам на их лицах наблюдается концентрированное недовольство или даже горе. Недовольные сразу наводят тоску на всю походную группу. Но всё же остальные лучше настроены на маршрут. Приходится помогать всем неряхам и злиться на них: поджимает время и выйти на перевал с большим опозданием нельзя. Только с утра рано выходят на перевалы и вершины горвосходители – таков закон гор. Часов с 11 каждодневно солнце растапливает массы снега и увеличивается опасность лавин, камнепадов, непогоды.

Вышли несколько с опозданием. Чтобы от избытка ультрафиолета не пооблезали носы, переносицу все перевязали заготовленными марлевыми повязками, которые тут же кто-то назвал намордниками. По морене, а затем по снегу топаем не в очень подходящей обуви. Рюкзаки, в которых утрамбованы палатки, продукты на несколько дней, одежда и прочие личные вещи, давят на плечи и наш строй быстро умолкает. Тропа ведет все время в гору. Длинная колонна в 40 человек движется в тишине. Я люблю такую поступь. Это та нагрузка, которая умиротворяет подростковую разбегающуюся во все стороны натуру, и которая нужна растущему организму не только в походе, но и в повседневной жизни. Наша группа почти организованная. Туман, временами сгущающийся, собирает всех плотнее в строй. Привалы наверху делаем короткие из-за того, что ветрено и холодно. Подходим к перевалу, но на нём, как в трубу сифонит ветер;

все мерзнут, хоть и прячутся за скалой. Едим положенную «перевальную» шоколадку и осторожно начинаем крутой спуск.

Сначала спуск не только крутой, но и скользкий. Кто-то из девочек стонет от страха, Петрович им помогает. Помогают также мальчики, которые посильнее и расставлены в колонне, как более надежные. Вниз идти легче и проявляются пару болтунов, у которых развязываются языки; на них нужно рыкнуть, чтоб все молчали. Спуск чреват большими опасностями, чем подъем: можно подвернуть ногу или спустить на нижеидущих камни. На сложной тропе требуется железная дисциплина и почти все это поняли. Впереди направляющего и сзади замыкающего никто не должен выходить; те, кто в колонне обязаны быть внимательными и соображать, куда ступить, – таковы первые правила маршрута. Антон Буровин уклоняется в сторону от всех; я кричу на него, но поздно. Он ползет вместе с камнями, начинает катиться и набирать скорость. Прыжками догоняю его, хватаю за рюкзак и не совсем вежливо осаждаю героя. Спуск с перевала ещё долго требует осторожности. Тропа постепенно выполаживается и вдруг совершенно неожиданно отступают облака и открывается небо. Нам улыбается солнце! Это очень кстати, потому что обувь у всех вымокла на тающем снегу. Победа: перевал пройден! Внизу видны первые, спускающиеся террасами домики горцев.

Автобус из деревушки Накра ушёл вниз и сегодня уже не уехать к морю. Это, пожалуй, к лучшему: у Гали Фирсовой День Рождения. Значит, кроме прохождения перевала у нас еще один повод к празднику. Лагерь около села поставили образцово, приготовили торжественный ужин, а имениннице преподнесли трехлитровую банку парного молока. Вечером жгли костер и выучили несколько песен под гитару. В деревушке не мычат уже коровы и не блеют козы. Надвигается прохлада и устанавливается тишина, какая бывает только в горах. Все наслаждаются тишиной. Небосклон среди контуров вершин рассыпается звездами, каких никогда ещё не видели мои семиклассники. Наверно, они сейчас только поняли, что мы на Кавказе!

Утром знакомимся с местными жителями. Автобус в поселок поднимется после обеда, но на узкой улочке стоит грузовик ЗИЛ-130 с широкой платформой, только совсем без бортов. Нам добираться аж до Сухуми. Шофер-сван, оглядев всю компанию, согласился везти нас до ближайшего селения. От денег он напрочь отказался и обещал ехать не быстро.

– Конечно, школьники же!

Не быстро, это по его представлениям. Вниз под гору грузовик помчался так, что мы сразу сцепились руками вместе. На поворотах наша куча сползает то на один край, то на другой: мы боимся потерять на ходу не только рюкзаки, но и друг друга. Где тут больше риска на крутом перевале или на дороге из сплошных поворотов... Пропasti одна глубже другой разворачиваются на каждом серпантине. Но народ у нас озорной: на физиономиях и ужас, и радость. Ужас, если смотреть вниз, а радость от того, что мчимся. Вдали открывается чаша среди хребтов: это Сванетия – красивейшая часть Грузии! Душу отпускают страхи лишь при подъезде к новому поселку. Дальше дорога легче.

Во время спуска в грузовике у двух подростков, как бы нечаянно, вырвался мат. Позже, когда мат повторился без особой надобности, я уязвил их самолюбие:

– Домой приедете, сядьте около родителей и кройте их по-матерному. Они этого заслужили, потому что плохо вас воспитали, а при мне – заткнитесь.

К этому возрасту у меня была уже некоторая матерость в работе с трудными и способность без мата осадить матершинников. Не считая ещё одной-двух выходок, после перевала мне больше не демонстрировали враждебность даже самые развязанные юноши: нас уже связывал поход. Мы больше понимали и воспринимали друг друга; притом не только в направлении: учитель – класс, но и школьники между собой.

Из Сухуми путешествие продолжалось по берегу Черного моря. Какие названия: Сухуми, Гагры, Сочи, Туапсе! Эти курорты связаны автодорогами и морскими маршрутами; по воде курсируют между городками «Кометы» – чудо-транспорт на воздушной подушке. Мы плывем по морю, останавливаясь на причалах. По трапу выходят пассажиры и заходят новые. На очередном причале высыпают к нам на палубу цыгане. Их человек пятнадцать, занимаются они привычным ремеслом – гадают. Почему-то они дружно окружают меня. Я внешне не сильно отличаюсь от них, тем более что, достаточно порос уже бородой в путешествии. Оказывается, ко мне их подослал Петрович, чтобы они к школьникам не приставали:

– Вон наш Будулай, все деньги у него.

Походные деньги действительно были у меня, но хорошо припрятаны. Погадать на судьбу особенно настаивала черноокая красавица. Я знал свою судьбу: рождён работать с непутевыми подростками. А подростки вместе с Петровичем тихо хихикали и изображали, что ничего не замечают.

– А давайте мы вам споём – отступал я от натиска. - Рита, спой! Ты же хорошо поёшь!

Без гитары, сильным голосом Рита Степченко запела по-цыгански. Не зря у нее такая фамилия и такой голос. Класс зовёт её «Степь», и нрав у нее будто выросла в вольной степи.

Наши слушатели застыли. Лица их открылись. Они забыли, что пришли гадать.

– Вы кто? – Спросил кто-то из них простодушно.

– Мы тоже цыгане и давно уже в пути, – шутит блондин Петрович.

Вскоре цыгане вышли. У городков, расположенных на море, мы почувствовали себя курортниками: волны, солнце, по-летнему тепло! На ночь нашли ровное место для палаток и устроили бивак недалеко от берега. У костра я спросил Риту, откуда она знает цыганские песни.

– А я жила у цыган, когда сбегала из дома. Они стояли табором на краю города, и это было недалеко от наших домов. Вечером они жгли костры и пели.

– Тебе бы после школы с таким голосиной надо учиться в консерватории! Правда, манеры у тебя не подходящие.

У Риты не только сильный голос, но и сильный характер. Настолько сильный, что ее побаивалась шпана в округе, где она жила, а порой она у них и

верховодила. На педсовете школы даже разбирался случай, когда Рита отлупила юношу из параллельного класса, который навязывался с ухаживаниями к её подруге.

Еще в характере у неё сквозило обостренное чувство справедливости, перемешанное с грубостью блатнячки. В классе она чувствовала себя абсолютным лидером. Последнее слово всегда было за ней, потому что оно было справедливым и потому что смачно сказанным.

У костра за спокойным разговором совсем, с другой стороны, раскрывались многие характеры. За все время похода вдруг заговорила Наташа Ильинская. У неё тихий нрав и какая-то постоянная неуверенность, её не видно и не слышно; если её что-нибудь спросить, она покраснеет и отвечает еле слышно. А это повод мальчишкам надсмехаться. И вдруг она что-то радостно рассказывает. Олег Свиридов, совсем не богатырь и не лидер в классе тоже травит байки и его все внимательно слушают. Галя Василина задумчиво молчит и смотрит на огонь. На её красивом лице играют переливы костра. Ей жаль, что поход заканчивается. Она грустит, но её грусть с оттенком озарения. Такое состояние не только у неё. Это уже подступает послепоходное настроение: ощущение полноты жизни и ожидание скорого перерыва в счастье после яркого путешествия.

Обратно домой я купил билеты на самолет из Симферополя. Последнюю ночь мы ночевали в палатках около огороженной дамбы, где, к нашему сожалению, запрещено было купаться. Вода в плотине использовалась как питьевая для города. У костра мы спели на прощание все выученные за поход песни, а возле аэропорта оборвали черешню, которая произрастала здесь в изобилии. Домой прилетели немного с опозданием, под видом того, что трудно было купить билеты на нужную дату.

Учебные будни: класс и родители

По правде сказать, не все учителя жалели, что мы отсутствовали. После путешествия начались учебные будни. В классе было лишь несколько человек, учившихся неплохо, но большинство совсем не тяготело к знаниям. Скучать это большинство не умело и часто срывало уроки. В учительской ко мне подходит завуч и с ней заплаканная математичка. Завуч возмущается:

– 7 Б сорвал урок математики, пойдите, разберитесь.

В коридоре вижу Сашу Шатунова, которого выгнали из класса еще до срыва урока. Шатунов не организатор, а второстепенный участник любых дурных затей. Спрашиваю у него:

– Что там опять случилось?

– А весь класс... «ништяк сделал», - хихикает он.

Ништяк – это когда дружно, не открывая рта, все гудят в нос и трудно определить, кто хулиганит.

Вхожу в класс, спрашиваю:

– Кто организовал «ништяк»?

Встают из-за парт все.

– Нет, сядьте. Встаньте, кто организовал глупость, а не кто участвовал в ней. Класс сидит и тянется молчание. – Что, кишка тонка, встать и сознаться?

Первая поднимается Степченко, за ней Корунчиков и Буровин. Буровин поднимается развязано, демонстративно. Его я невзлюбил сразу: нахален, хитрит, и хуже всего, любит тихо поиздеваться над теми, кто послабее.

– Вы втроем идите по домам и вечером ждите меня в гости, – распоряжаюсь я.

Остальных начинаю пилить моралью. – Нашли над кем поиздеваться, выбрали самую безобидную учительницу...

– А у неё на уроках не интересно! – паясничает Гриша Игнатов.

– А у тебя большой интерес к математике?

У Гриши двойки по всем основным предметом и класс посмеивается над его репликой. Следующие уроки проходят тише.

Первое воскресенье октября – День учителя! В субботу у всех праздничное настроение, толком никто не учится, хотя уроки идут по расписанию. Я забыл про свой праздник и меня пожилая коллега журит за то, что я не в торжественном костюме.

В учительскую вбегает с горящими глазами с огромным букетом цветов Рита Степченко и с порога кричит:

– Это Вам... Владимир Александрович... от класса!

Рита тут же убежала. Учителя мне аплодируют. Цветы от класса – трогательно даже для мужчины, можно представить, как млеют на празднике учителя-женщины.

Но труд учителя в основном неблагоприятное дело и уже через два дня я снова разорвался в классе от очередной выходки питомцев.

На родительском собрании я уверял взрослых, что их дети маются от безделья, что необходимо побуждать недорослей и к учебе и обязательно к домашнему труду. Три раза на день поесть семье – это уже уйма работы: нужно еду сварить, трижды посуду помыть и все убрать на кухне. Кроме того, есть ещё уборка, стирка и прочие бытовые заботы. Это домашнее рабство несут на себе матери, а дети предполагается – должны трудиться в учебе. Но это только предполагается. Где их учебные плоды? И даже, если они есть у отдельных школьников, почему только родители должны быть обременены бытом, ведь они работают не меньше, чем дети учатся? Кроме того, заворачивал я дальше, почему бы школьникам самим не заработать деньги на следующий поход?

Найти подработку в послеурочное время трудно. Общество создаёт видимость защиты детей, а в действительности культивирует инфантильность ежедневным безрезультатным шестичасовым просиживанием на уроках. Безрезультатность в учёбе в большинстве случаев очевидна, как и запоздалое взросление вне полезной деятельности. Если взять, например, географию – сам по себе интересный и легкий для школьников предмет и проверить познания на взрослых, то выяснится печальный факт: все учились по 11 лет в школе и почти никто не может назвать на континентах хотя бы 20 основных географических ландшафтов. Для чего учились? Демагоги, конечно, будут утверждать, что

развивалось у детей мышление... или ещё что-нибудь утверждать. Но школа между тем устроена так же глупо, как и все общественное здание, иначе откуда берутся трудные классы и неучи, просиживающие в классах годы.

Я пробовал решить сверхзадачу: найти для класса хорошую подработку, чтобы заработать на поход. Родители к этому были уже подготовлены, и работа неожиданно нашлась. После долгих расспросов через знакомых и их знакомых нам выписали официальный наряд в Зелентресте Оренбурга на вырезку сухостоя и окультуривания лесопосадки в районе монумента Гагарина. Этот документ у меня сохранился вместе с тетрадью классного руководителя. Не без изумления спустя почти три десятилетия я вновь прочитал в нем, что половину денег нам приплатили дополнительно за несовершеннолетие – таковы были преимущества для детей при социализме. Но, в общем, детей берегли от влияния жизни и в СССР и еще больше берегут сегодня при волчьем капитализме. Берегут, конечно, для того чтобы выросли недоросли. Недоросли не станут самостоятельными и с позицией, а баранами управлять легче.

Работали мы после уроков. Зимой, по колено в снегу пилили сухие сучья, валили большие деревья и сносили в кучи сухостой. Прораб Зелентреста определял нам объем работ. За месяц, работая ежедневно по 4 часа, мы заработали нужную нам сумму, чтобы отправиться в следующие каникулы снова в поход. Дело, безусловно, двигалось не всегда гладко. Кто-то находил причину увильнуть от тяжелого труда на холоде. Мы вместе учитывали, как работает каждый, и возникали конфликты с ленивыми. Привычки к настойчивым усилиям у многих не было, но ленивым не всегда вежливо намекал коллектив, что трудодни считаются поровну. Заработать самим на поход считалось всеми взрослым делом, а привычка к безделью нередко подводила. Это привычка и в школе, и на работе уводила в дурь. Дурь вылезала и на морозе на работе. Однажды я на кого-то психанул и покинул класс в лесопосадке, но дети сделали и мне снисхождение и свою вину загладили: доработали до конца дня сами и выработали в этот день больше обычного.

На классном часе похожем больше на рабочую планерку мы смеялись и ругались. И у меня снова возник конфликт. Но не любимый мной Буровин без всякой иронии вдруг заявил:

– Таких честных учителей в школе больше нет.

Все рассмеялись, и обстановка разрядилась. Антон, конечно, подразумевал не честность других учителей, а мою пристрастность в роли классного руководителя. Несколько человек пробовали было сослаться на невыученные уроки из-за работы в посадке, но против этого возмутились даже двоечники. Я диктовал к тому же условие, давящее на самолюбие: успеваемость должна остаться не ниже прошлой, кто скатится – тот маленький, ему мешает работа. Жалоб на уроки из-за работы больше не возникало. Когда все втягивались в работу, мы даже пели вместе. Запевала, как всегда, Рита Степченко.

Мы заработали на поход! А ещё большим итогом нашего трудового месяца нужно считать чувство гордости за взрослое дело. Про это чувство никто не говорил, но оно было даже у тех, кто немало похалтурил.

Проблема подростков – курение. Тут, кто как понимает взросление: чем слабее характер и незрелее юноша, тем больше его захватывает табачная напасть. Ломаясь с сигаретой или рисуясь запахом алкоголя, подросток мнит себя взрослым и всем крикливо это доказывает. В классе покуривали эпизодически человек семь мальчишек, ну и «косили под своих» некоторые девочки. Так, по крайней мере, они иногда выражались. «По фени» порой и я подхватывал разговор. Мне даже хотелось дать урок в таком тоне. Уж слишком бравировали наши лидеры своей прибрлатнённостью. Иногда учителю поддохмить полезней, чем бороться с вызовами подростков напрямую.

У меня два диплома: учителя истории и учителя физкультуры. И с начала учебного года, сразу после кавказского путешествия, в виде спортивного кружка я организовал с классом тренировки. Спорт не мог не убеждать хотя бы некоторых из ребят во вредности курения. Тренировки проходили по-разному. Среди юношей была проведена при определенных правилах борьба по круговой системе, т. е. каждый поборолся с каждым и выявлены последовательно все победители. Этот график и все результаты до сих пор сохранились в моей тетради. Записаны были ещё легкоатлетические и другие показатели, например, бег на 100 метров, прыжок в длину с места, подтягивание на перекладине, приседание на одной ноге «пистолетиком» и т. д. Но больше тренировки проходили, как волейбольные. Также завуч школы оставила мне в классе физкультуру – два часа в неделю несмотря на то, что все остальные уроки я преподавал историю. Физкультура шла по стандартной программе, где была гимнастика, легкая атлетика, спортивные и подвижные игры и даже лыжи зимой.

Трудно, спустя много лет заявлять, что наши спортивные тренировки принципиально повлияли на количество курящих в классе. Главное влияние оказывает общее течение жизни, социальное устройство общества, его привычки и устои. Но для многих учеников нужна была поддержка против куряк. Класс – это сорок влияний, а мой класс был не из лучших. Мораль, навязываемая куряками, часто недооценивается, а общество кормится глупыми предрассудками в виде того: не хочешь – не кури. Но подростку трудно противостоять против общественного мнения своей среды. И куряки легко втягивают в свои круги совсем не склонных к курению. Так происходит не только с курением.

Курение – полная глупость в человеческом существовании. Оно не приносит удовольствия, разрушает здоровье, травит окружающих и несёт вонь. Все знают о вреде табака и массово впадают в зависимость. Трудно встретить курящего взрослого, который бы про себя не мечтал покончить с сигаретами. Любой курящий папаша станет гордиться своим некурящим выросшим сыном. Но, слаб человек... Ведь даже среди великих людей кто-нибудь курил. Правда, они не только курили, но и совершили великое. А уж художники, писатели, артисты – те, как один чадят сигаретами и непременно видят в этом признак интеллигентности. Что уж взять с подростка? Ему ведь хочется самоутвердиться, выглядеть взрослым, найти признание у тех, кто старше. А все его кумиры курят. Да, что там его кумиры... Кумиры и взрослых с сигарами: каков вон портрет Хемингуэя! Я не боюсь показаться в этом месте моралистом. Куряки всегда

обкуривают некурящих, даже если они изображают воспитанность, и близкие люди всегда страдают от куряк. Явление это имеет социальные корни, но это уже другая тема. Добавлю лишь, что гораздо позже мне посчастливилось побывать во многих странах и в них заметна разная степень поражения народов табаком. Например, в Европе, США, России, Китае курят повально, а, скажем, в Индии, почти во всей Африке или Латинской Америке реакция на дурман у людей намного здоровее, и люди там статнее формами.

Кроме спортзала были еще занятия по туризму. Наш туркружок располагался при детском клубе, находящимся в выделенном помещении ЖКХ. Такие детские клубы были при многих промышленных предприятиях или в Жилкомхозах. После перестройки недвижимость вздорожала и все помещения «прихватизировались», да и промышленные предприятия разворовались: туризм, в том числе и детский, вывели на улицу. Но мы его еще застали массовым, хорошо организованным, с коллективными устремлениями, а не в виде индивидуалистской успешности и успели поучаствовать в турслетах и походах. В кружке учились главным навыкам быта (установка палатки, укладка рюкзака, раскладка продуктов для походной группы), наводили веревками навесную переправу, учили узлы и даже были проведены пару раз занятия по скалолазанию.

Главное все-таки занятие класса – учеба, которая улучшилась, но совсем не принципиально. После полугодия я выписал результаты двух четвертей и сразу про них забыл. Хотя, конечно, на классном часе объявил, кто мог бы стать чуть при больших усилиях хорошистом, а Оля Минина – даже отличницей. Месяца через два после кавказского похода один из журналистов газеты «Южный Урал» взял у меня интервью, в котором был вопрос: помог ли поход учебе? Я честно ответил, что учебе не помог, но помог ребятам лучше подружиться.

Если бы даже весь класс стал хорошистами, меня больше интересовало: какие они люди? А люди продолжали беспечно жить. Гришу Игнатову вызывают отвечать на уроке химии. Мелом на доске под какой-то формулой учительница написала «КОН». Пока она отвернулась, чтобы добиться тишины класса, Гриша без всяких формул вывел «КОНЬЯК» и дорисовал пять звезд. Тишины добиться было уже невозможно. Послали за мной. Я тоже вел свой урок, но надо срочно прерваться.

– Вы полюбуйтесь на него, – возмущается коллега.

А смех и меня разбирает. Я махнул рукой и поспешил удалиться, не опасаясь за последствия. Молодую учительницу химии класс все-таки по-своему уважал.

Через пару дней идет в школу Володя Степанченко – высокий, худой и портфель у него такой же худой. Он забыл положить в него учебники. Что уж там говорить про выученные уроки. «Француз» - учитель иностранного языка, с которым мы стоим на пороге школы, флегматично жалуется:

– Твои студенты прохладной жизни ходят ведь на уроки без учебников. Вот, например, Степанченко, Степченко, Стоюнин, Скороходов – это только те, у кого фамилии на «С», других называть?

– Ну, спасибо, Анатольевич, хоть ты не нудный: схохмишь и довольно.

Володя проходит мимо нас, замечает моё внимание к портфелю и галантно здороваются. Я за ним следом и прошу всех в классе приготовить учебники иностранного языка. Добрая половина книги «забыла дома».

А вечером на кружке мы уже поём «Бричмулу». На кружок приходят не все, больше те, кто поживей. Признаться, гитара у нас звучала не всегда складно, но песни были неплохие. Пели Никитина, Визбора, Окуджаву... В ходу были и шуточные вещи. Особенно всем нравилась «Курочка». В песне было много повторений на разных животных, которые изображались пантомимой, но курочка, которая «по зернышку кудах-дах-дах» оставалась в каждом куплете. Иногда здесь же или у кого-нибудь дома мы отмечали коллективные Дни рождения.

Нередко приходилось безотложно идти домой к школьнику. Чаще всего учителя обращают внимание на конфликтных детей. Это вряд ли справедливо, нужно ведь уделить внимание и другим в классе. Но трудные больше о себе заявляют, они заметнее своими выходками, кривляньями, сосредоточенностью на себе, и учитель кружится больше вокруг них. А как быть с остальными? Понятно, у классного руководителя должно быть меньше часов для преподавания и больше для класса. Но на такую роскошь школа не шла даже в советское время. Сегодня учителю уготовано распоряжением свыше другая роль: «школа – это услуга», а учитель, соответственно, слуга. Он слуга для чиновников, для родителей и для школьников, у которых ненароком могут быть богатые папы и мамы. А все ли господа с тактом к учителю? Будет ли к месту бедный учитель, посетивший всею богато обставленную квартиру. Но трудные дети и у богатых, и у бедных. Родители и не трудных детей ожидают увидеть в школе не казённого учителя. И в учительстве всегда найдутся чудачки, которые станут искать творчества в своей неблагодарной профессии. Разве не их мы чаще всего вспоминаем уже после школы, не к ним ли хотим привести своих детей?

Зимой темнеет рано, и я иду между пятиэтажками повидать «трудного» папашу. Отец – грубиян, смотрит на мое появление недовольно, а мать, забитая деспотом, стесняется меня в своём доме. Глаза у родителя навывкат, широко расставленные и наглые, губы толстые – «пахан в натуре». Сын притих и ему стыдно за отца, который во хмели.

– Учитель что ли..., жаловаться пришел... Мой плохо учится? – ворочает пьяными губами и смотрит тяжелым взглядом глава семейства, прошедший зековскую школу.

– Нет, не жаловаться пришёл, и сын учится не так уж плохо. Пришёл познакомиться с семьёй, как классный руководитель.

– Познакомиться... говорят ты не пьёшь... А то можно было б за знакомство.

– Не пью. Отец мой был пьяница, а нас в семье родилось пятеро. Жили тяжело, мать было жалко. Пьяные сцены навсегда отбили охоту от водки.

Папаша удивился моей откровенности. Он увидел упрёк для себя и уперся в меня осоловелым взглядом. Затянулось молчание... С мороза мой нос остро чувствовал вкусные запахи борща, благоухающие из кухни.

– Дайте мне, пожалуйста, что-нибудь поесть, я сегодня ещё даже не обедал, – попросил я у побледневшей хозяйки.

Просьба смягчила напряжение. Папаша даже обрадовался, что я согласился, если не пить, то хотя бы поесть. «Из простых... свой в доску...», – умозаключал он, но уже разговаривал со мной на «Вы». Мать почти не участвовала в разговоре и вместе с сыном испытывала неловкость за мужа. Попрощались все-таки мы почти дружелюбно.

Идя домой по хрустящему снегу, я застревал на одной и той же мысли: вот они осязаемые условия воспитания для моего ученика. Или ему поможет школа?

Но таких экстремальных встреч было немного. Учителю чаще приходится общаться с мамами, которые берут на себя дома, кроме прочего и ответственность за воспитание. Мама моего класса почти все работала полный рабочий день. Нельзя сказать, что свободное время некоторых неработающих мам или бабушек влияло на детей лучше. Отцы тоже работали, но многие из них вредили семье водкой. Несколько семей было неполных, т. е. без отца, хотя вряд ли можно утверждать, что дети их были сложнее, чем в полных. Материально жили не все одинаково, но, разумеется, между семьями не было сегодняшнего дикого социального расслоения. Подавляющая часть семей жила в квартирах новостроящегося района. Тесно жили единицы, если не подразумевать роскошь. Родители моего класса были отчасти трудными, как и их дети. У одних жаргонный «блатняк» и близкие к нему замашки, у других водка, третьи – не умеют отдыхать и вся их жизнь без книг. Но большинство – особенно матери, – были вполне человечными, открытыми и добродушными людьми. Всё же трудные и дома и в школе явнее делали погоду.

Условия воспитания и официальная идеология

На воспитание влияет всё, но больше всего семья и школа. Это с обыденной точки зрения. В действительности семья и школа – продукты общества. И социальное устройство больше всего определяет результаты воспитания подавляющего большинства. В глубине души учитель обязательно задаёт себе вопрос: можно ли учительским влиянием изменить класс в лучшую сторону? Или нельзя? Насколько можно? Мне казалось, что можно. Вернее, я не знал возможные результаты, но не впадал в скептицизм и днями напролёт работал. Оптимизм – великая сила и часто выручает человека. Противоречия советской школы, как и общества, были очевидными, но не выступали до сегодняшнего абсурда. В противоречиях своего времени мечется и учительство. Оставаться умным скептиком учителю трудно: он каждый день видит глаза своих школьников. Его положение теснее стороннего интеллигентного созерцателя, будь то художника, писателя или артиста. Ему приходится чаще касаться авгиевых конюшен общества, так же, как и врачам с медсестрами, и в упор видеть, что не всегда виноват школьник тем, что плохо учится или что у него уродуется характер. Учителя – самые первые работники по очеловечиванию общества: по мне, именно они, в первую очередь, интеллигенция, несущая культуру народу. Принято считать, что творчески работают артисты, блистающие на сцене, а удел

учителя – преподавательская рутина. Учитель действительно не претендует на лавры известности; он повсеместно принижен своим социальным положением. Ничтожное положение педагогов, как и предубеждения о них только характеризуют общество, показывают его больной диагноз. Я был убеждён: кто, как не учитель, может помочь семье в воспитании? Сказать точнее, мне думалось: или что-то может сделать школа или общество заходит всё дальше в тупик. А общество, как известно теперь, шло к перестройке и, затем в «беспредел» – народное название последующих нравов.

Что может школа или могут учителя? По телевидению чаще спрашивают пространней: какой должна быть школа? Эти вопросы задавались и в советское время и обсуждаются сегодня. В советское время идеологией были комсомол и пионерия прошлых десятилетий, которые представляли несколько окаменевшие формы работы, и учителя (далеко не все окостеневшие) брали из них не только проформы и идеологию, но и некоторое рациональное зерно: багаж советской школы складывался на идеях коллективизма. Значение прошлого образования признают теперь все либеральные господа, да и мы помним, что выпускники прощались со школой, с теплым чувством, если не со слезами. Многие преподаватели были, конечно, сероватыми, если не идеализировать прошлого, но сегодняшней учитель поставлен в намного худшее положение, и учительский состав, в связи с этим еще больше обезличен. Суть советской идеологии пытались сверху уместить в лозунг: народ и партия – едины. Официальные лозунги, как правило, маскируют противоречия жизни: советская жизнь несла все противоречия социализма, искорёженного сталинизмом и консервативной партократией. В капитализме идеология имеет ещё большее значение, чем при социализме, в силу большей пропасти между богатыми и бедными, и её изо всех сил утончают, маскируют, изошряют. И, конечно, в западных школах и университетах в тех странах, где контрасты помягче, чем в остальном, им подчинённом мире, старшекласникам и студентам рассказывают, что этот строй вообще без идеологии. В капитализме, если отбросить всю риторическую шелуху, идеологией всегда является оправдание наживы одних за счёт других, а в отношениях между людьми – оправдание индивидуализма. Идеология капитализма освещает жизнь паразитирующих слоёв и классов, т. е. не эквивалентные труду доходы. В зависимости от официальной идеологии господствующего строя выстраиваются и задачи школы. И учителя в школе строго подчинены официозу.

Мы видим сегодня на каком фоне СМИ обсуждают проблемы школы. Учителя глядят на придуряющегося знатока проблем, который думает об одном, а говорит другое, и недоумевают. Знатоки чаще подобраны из себе на уме профессоров, титулованных чиновников или нахрапистых блогеров. 300 каналов TV вещают либо полную ерунду, либо пошлости, и нет ни одного канала для учителей, школьников и их родителей, которые представляют всё население. Почему нет почти ничего здорового для школы? А это также, как существует, например, канал «Шансон», просвещающий всю страну зековской песней и заодно воровской моралью, и нет отдельного канала, скажем, песен Высоцкого,

Визбора, Окуджавы... Да что Окуджавы, разве кругом слышна музыка лучших оркестров? К тому же всем известно, что, если даже отдельную передачу о школе создадут – она обязательно будет конъюнктурной, потому что все каналы зарабатывают деньги, кроме того, что они еще первые проводники идеологии. Миром правят деньги и пружина всему – нажива. Как говорится: какая жизнь – такие и песни. Один мой знакомый учитель как-то в сердцах сказал, что больше всех матерятся сейчас дети в школе. Мешает ли это обстоятельство витиеватым разглагольствованиям об образовании разноокрашенным идеологам?

Есть ещё одна немаловажная деталь. Образование и воспитание – это два самостоятельных процесса, пусть даже взаимосвязанных, а школа только образовывает. Когда чиновники говорят про школу, то касаются только образования, а о воспитании даже не смеют заикаться. Воспитывают всех, очевидно, боевики с мордобоями в голливудском стиле... или попса с шансоном. Французское слово «шансон», должно быть облагораживает русский жанр, вырвавшийся из тюрьмы на волю.

Попса дробит шрапнелью наши души,
Ее за это не привлечь к суду.
Часть поколенья выросла на чуши,
И новое рождается в бреду...

Валентин Гафт

Стих: не в бровь, а в глаз. Но что значит крик души известного актёра, состоявшегося, кстати сказать, как яркая личность в советскую эпоху?

Какая бы не была школа, учитель идёт давать уроки. Если заглянуть хоть в однотипную советскую школу, хоть на все лады креативную сегодняшнюю, то мы увидим общую беду для ученика в школе. Нам не помешает для этого лишний раз вспомнить и себя в прошлом, и посмотреть на своих детей сегодня. Школьники, а особенно подростки на уроках, больше изображают деятельность ради оценок, чем черпают знания. Я глядел не теоретически на свой класс, глядел и на другие «не трудные» классы и видел, что учебный процесс состоит в основном не из действительного труда, а из просиживания.

Верно говорят, что дети перегружены школой. Но и то верно, что большинство учащихся убивают там годы и не насиживают знаний. Школьники перегружены просиживанием, которое убивает ещё и здоровье. Утомляет не избыток необходимых знаний, а знания, никак не привязанные к жизни, которые ещё обязательно с нудной примесью идеологической мишуры. Знания, которые в большей части не имеют смысла для ученика и которые не упрощены, а запутаны в угоду идеологии. Кто-нибудь да скажет: ну какая идеология для урока математики? А вот такая: программа, количество часов в неделю на каждый предмет, соотношение с объёмом к другим дисциплинам, для каких социальных слоёв, что преподавать – всё определяет господствующая идеология.

Прежде всего утомляет безрезультатность учёбы, убивание времени день изо дня. Присутствовать 5-7 часов на уроках при рутинном, мало связанном процессе обучения с жизнью не только утомительно, но и отупляюще. Может быть, поэтому среди отличников больше тупиц, чем среди троечников, а среди

всех вместе – больше посредственностей. Школа – сизифов труд для учеников: нельзя сказать, что дети не трудятся, но и не видно фактически, что труд их плодотворный. Советская школа пробуксовывала в своих противоречиях; сегодняшняя школа в полном тупике. Тогда мне казалось, что ещё в силах классного руководителя добавить к школярству подростков какого-то живого движения. Спорт, путешествия, полезный взрослый труд могут привести их к лучшим книгам, к пониманию необходимости осознанной учебы, к осмыслению себя в жизни... и к целям в жизни.

С того времени по настоящее сменилась целая эпоха лихорадочных преобразований (реформ), всех, как одной неудачных. Впрочем, удачных, с точки зрения государства и его потребности одурачивать народ, чтобы легче управлять им. Сосуществование миллиардеров и нищих масс в одном обществе как-то надо умиротворять в головах населения. Сегодняшнюю школу сами школьники кругом в интернете называют «отстоем» - такова там общая атмосфера. Нынешняя схоластика, хоть и компьютеризированная вместе с идиотизирующим ЕГЭ, мало отличается от средневековой бессмысленной зубрёжки. Население ещё не до конца поняло, что с введением ЕГЭ советское образование кастрировали полностью. Сегодняшнее образование России – это копия западного, капиталистического, притом худших его штампов. Почему худших? Да потому что периферийный капитализм всегда пресмыкается перед центральным и спешит обогнать его в реакционности. Смотреть на школу вне господствующей идеологии, по меньшей мере, наивно.

Походы по Оренбуржью

Вернусь к классу. Наибольший накал жизни нам давали походы. У себя по Оренбургской области мы однажды ходили неделю в районе Черноречье-Татищево «по пугачевским местам», а затем под Кувандык, куда доходят отроги Южного Урала. Здесь совсем другие ландшафты, чем на далёком и полюбившимся нам Кавказе. Здесь сплошные холмистые степи, пойма реки Урал и леса на границе с Башкирией. Все эти поездки запоминались ощущением простора, радостью новизны жизни, разнообразием представлений о природе и были некоторым удачным выходом из повседневности. Да и в этом смысл странствий: «А еще жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать», – так утверждал Н. М. Пржевальский. На одном из утёсов у реки нам удалось провести занятия по скалолазанию. Перед выездом класс смотрел фильм «Вертикаль». Фильм по сюжету незамысловатый, но в нём много горных красот, техники скалолазания, драматизма отношений при экстремальных условиях и песен Высоцкого. Ещё одна существенная вещь: в седьмом классе школьники начинают тайно влюбляться и походов хотят почти все подростки. Думаю, что в походах им влюбляться лучше, чем в подворотнях. Это, во всяком случае, романтичнее. Но любовь и воспитание всегда взаимоисключающие вещи в головах всех педагогических ханжей: чиновничья нравственность всегда инквизиторская.

С 1 по 9 мая вместе с выходными днями идут сплошные праздники, и мы едем в самое весеннее цветение «по родному краю» - так тогда обосновывали

под краеведение походы. Здорово ехать в поезде и видеть, как проплывают навстречу полустанки, холмы с оврагами, пролески в долинах, всходит полями пшеница, и тянутся характерные Оренбуржью лесопосадки. Вот оно настоящее краеведение, а не книжное! Мои некоторые «краеведы», между тем, сидят и втихаря режут карты в одном из отсеков вагона. Карты запрещены, я их изымаю и выбрасываю колоду в приоткрытое окно по ветру. Игроков человек шесть, и они возмущаются не на меня, а на себя: «Нарвались, не выставили шухер». В хулиганистом классе не обойтись без радикальных мер, но в нем и меньше обижаются на учителя за срывы или невежливую требовательность.

Кажется, ну что особенного в картах: играют себе «в дурака» и пусть играют. Не только в картах дело. А в том, что к ним тяготеют все, кто мается пустотой. За картами последует настолько же содержательная деятельность, которая потянет самых активных на подвиги: вечером от кого-нибудь повеет запахом водки. Да, разве пустотой страдают только школьники? Не меньшая пустота у взрослых, плящущихся каждый день в телевизор на футбол вместо того, чтобы в него поиграть во дворе со своими детьми. Глупые книги – тоже пустота. Много пустого в людях, и карты – пустота. Но карты ещё некий атрибут в развлечениях шпаны.

Как приучить детей не пусто жить? Легко сказать... На деле – это достичь всего! Пусто проводимое подростками время всегда ведёт к подгниванию отношений в любом их собрании и потенциально можно вскоре ожидать дурных событий. Воспитание в определённом смысле – это занятые дети, притом не лишь бы чем, а полезным делом. У учителя есть возможность убедиться в этом тысячу раз. По наитию к этому приходят все родители, не поверхностно думающие о своих детях. Школьник, мающийся пустотой – внешне безобидное явление; в действительности, тешить себя ерундой, значит незаметно погружаться в пусто прожитую жизнь.

В этот выезд мне еще запомнился футбольный матч, в котором мы сыграли после скалолазания с орскими «ништяками» из профтехучилища. Именно «ништяки» из города Орска были почему-то известны среди шпаны во многих городах России. Сейчас бы их назвали неформалами. Не помню, как мы сыграли в футбол, но запомнилось, что мой класс был все же культурнее «путяжного». «Гопники» не понравились нашим «трудным», что было само по себе неплохо. Иногда, достаточно одного впечатления, чтобы через него и в себе захотеть поменять что-то. Такие влияния на психику человека почти неуловимы.

Школа и чиновники

На лето (июль, август) я уехал в горы на Тянь-Шань, а с сентября по возвращению снова окунулся в привычные школьные будни. Классом за два учебных года мы немало съездили и сходили в серьёзные походы и путешествия. Оплачивали поездки, за исключением рассказанного случая, родители; иногда некоторые расходы брали на себя Дом Пионеров или профсоюзы. Походный туризм был неприятельным в быту и автономным на природе: все в рюкзаке. Поэтому он был недорогим и доступным. Но не всегда приветствовались походы администрацией школы. В многодневном путешествии вероятность чему-нибудь случиться большая, чем в здании школы, и если директор труслив, т. е. не любит

брать ответственность, выходящую за учебные рамки, то классному руководителю требовалась настойчивость и изворотливость, убеждать директора и завучей в подписании приказа, то есть убеждать своё начальство в пользу туризма для детей. Казус советской школы (сегодняшней тем более) состоял в том, что директор редко был одним из лучших педагогов и преподавателей в коллективе. Он не выбирался педколлективом, а являлся назначенцем и поэтому находился ближе к бюрократии РОНО и партийному управлению. По этой же причине он стремился быть «перестраховщиком», ограничивающим учительскую и ученическую инициативу: пусть что угодно случится, но не в школе. У школы есть регламент работы с расписанными обязанностями для каждого учителя и этот регламент может вполне выглядеть разумным. Но если исходить из результата, кем и какими должны выходить выпускники, то одним регламентом ни одна школа ограничиваться не может. И учитель не может работать с классом только по заданному шаблону. Безусловно, есть директора, поддерживающие своих учителей в инициативах, но дальше них стоит свора чиновников из районных, городских, министерских ведомств, накидывающих ошейники и на директоров, и на учителей, и на учеников через образовательный процесс. Эта казённая армия руководствуется параграфами, предписаниями, инструкциями и заваливает школы отчетностью. Учитель преподаёт, работает с классом, как воспитатель, но больше всего и прежде всего, отчитывается. Этой отчетностью чиновник, не взглянув ни разу на мой класс, навязывает свои формы работы. За что надо отчитаться, то приходится и делать. Я делал одно, а отчитывался за другое. Это удваивало объём работы. Да, собственно, школа вообще таким способом лавирует между пинками ведомства и родительским стремлением дать детям хотя бы некоторые знания. А каждому учителю приходится ещё разрешать двусмысленность своего положения: нужно или оставаться собой и работать на здоровый результат, или превращаться в робота, в пешку, исполняющую инструкции. Учитель потеряет себя, даже если он успешно преподаёт предмет, но не заглядывает дальше, как оседают знания у каждого школьника в душе: в виде вороха мусора или в виде очеловечивания. Показуха школы и, якобы успешная учёба детей, держится на слепых исполнителях; исполнительность учителей сегодня доведена до роботизации. Бюрократией страдала советская школа, а современная даже ностальгирует и сильно завидует предшественнице – настолько она сегодня всеудушающая. Мне многое удавалось прошибать напором и добиваться разрешений на нестандартные мероприятия, но рамки есть рамки. Перегрузка часами преподавания, рутина, среди которой было немало отчётности, препятствия бюрократии проглатывали уйму времени и мешали нормальными глазами смотреть на каждого ученика в классе. Другое дело в поездках: там мы все вместе. Я не говорю здесь, что образование нужно заменить туризмом. И из туризма сейчас делают тоже, что из всего образования. Весь вопрос в целях школы. И какую петлю на школу и учительство накидывает государство. Цели школы зачастую формулируются завуалировано: для всех они должны звучать благостно, но служить при этом корыстной правящей верхушке.

Поездка на Валдай

В Оренбурге был большой клуб туристов. В нем собирались пешеходники, водники, горники, спелеологи, велотуристы. Собирались туристы раз в неделю, каждая секция в свой день. Клуб располагал помещением при областном Профкоме, а у спелеологов, смешно сказать, была их силами прорыта «своя пещера» под трехэтажным зданием. На общественных началах работали маршрутная комиссия, судейские коллегии для слетов и организовывались категорийные походы, иногда даже «четверки» и «пятерки». Такой туризм называли самодеятельным, а истинными туристами считались отдыхающие по путевкам в пансионатах и на пляжах. В этом большом кругу «самодеятельных» отшельников почти все знали друг друга, собирались с гитарой или показывали слайды после походов. Здесь всегда было живо, оптимистично и предлагались дерзкие маршруты, открывающие новые географические горизонты необъятной страны. Не посещать это братство было нельзя. Однажды в клубе мне сказали, что пропадают профсоюзные путевки на группу в 40 человек. Это же как раз на целый класс! Нужно, стало быть, выручить Облпрофком. Сейчас трудно поверить, что такие чудеса бывали (при всех противоречиях у СССР были огромные преимущества для людей, если иметь в виду наибольшую часть населения). На новогодние каникулы мы отправились плановыми туристами на Валдай, доплатив за путевки копейки, почему-то 10% от общей стоимости.

Класс поехал не в полном составе, но свободные места в этот раз заполнились другими желающими из школы, в основном старшеклассниками. Ехать на поезде с пересадкой в Москве. У нас целый день ожидания, но разве скучно провинциалам в столице. Посетив вместе Красную площадь и исторический музей вблизи Кремля, молодёжь разбежалась на весь день группами. За час до следующего нашего поезда мы условились встретиться на Ленинградском вокзале. Нельзя представить, чтобы сейчас можно было отпустить старшеклассников с такой легкостью на весь день в большом городе. Полиция бдит на каждом углу, кругом ведь опасности: террористы, бандиты, маньяки. Задержат великовозрастных детей, а учителя уволят с работы... Мои школьники были тогда уже в 8 классе, а примкнувшие ещё старше: они с удовольствием остались провести время самостоятельно. Я уехал на большую часть дня встретиться со знакомыми, с которыми давно не виделся.

После встречи, поздно вечером мы собрались на вокзале... и около нас разыгралась драма. Было время каникул, ехали и другие группы школьников в поездах, и три учительницы не досчитались у себя двух воспитанников. Как же это случилось? Учителя-клуши в течение дня пасли своих воспитанников и ни на шаг от них не отходили. Но все-равно кто-то потерялся. Пришлось одной учительнице остаться после отправления состава, и она с выпученными от страха глазами побежала к вокзальному милиционеру искать пропавших. Пропавшие были десятиклассниками.

На встречу я тоже опоздал. Меня воспитывали:

– Владимир Александрович, все в сборе, один Вы опаздываете! Мы думали, что Вы тоже потерялись, а билеты все у Вас. Будете наказаны!

Вину нельзя было не признать. Наш поезд уже подали, нужно было соглашаться на любое наказание и спешить в свой вагон.

Учителя часто испытывают ученики. Уже в поезде с некоторым испытывающим озорством Наташа Гурина спросила меня:

– А что бы Вы делали, если бы кто-то из нас потерялся?

– А то вы меня не знаете: я бы не остался на поиски беспечных деток. Пусть бегают, мечутся без денег по вокзалу и добираются домой или в свою группу сами. Пусть соображать поучатся.

– А Вы бы переживали? – ещё кто-то спросил.

– Я бы злился. Или нельзя на остолопов злиться?

– Значит мы не остолопы, раз не потерялись... А Вы вообще-то тоже чуть не опоздали на поезд.

– Да, да... намёк понял: я действительно остолоп сегодня. Извините!

Мои школьники как-то хорошо чувствовали, что не ходить за ними по пятам труднее, чем опекать их, и были мне за доверие благодарны. И тогда, и потом, больше 30 лет, я водил и возил школьников повсюду, и они не терялись. А если терялись (редкие случаи), то переживали не меньше, чем я; мне же оставалось сохранять выдержку и изображать олимпийское спокойствие. И это настоящая ответственность, в сто раз большая, чем сторожить на каждом шагу великовозрастных деток. Но такие признания учителя покажутся радикальными не только чиновникам или крайне сердобольным мамашкам, но и, пожалуй, большинству граждан, благополучно утопающих в общераспространённых педагогических предрассудках.

Учитель школе нужен с убеждениями, – и все согласятся с этой книжной истиной. Да только много ли вообще людей с убеждениями? Действительные убеждения не приходят к трусливым. К тому же вся официальная машина поддерживает законопослушную трусость, и эта трусость последовательно культивируется и выдаётся за добросовестность. Попробуйте набраться смелости и отпускать школьников на доверии (разумеется, не на наивном), чтобы они сами себя контролировали. Чтобы у них являлось чувство ответственности перед всеми в классе, и перед классным руководителем тоже. Или ответственность в людях рождается путём морализования о ней? В так называемой образованной среде существует поклонение талантам. Но может быть смелость важнее в человеке? Владимир Высоцкий остался бы средним актёром в сильной советской актёрской школе, не будь в нём, прежде всего, смелости. Все его стихи и песни – отметание трусости. Конечно, в них ещё проникновенна и глубокая народность, а не светскость или элитарность, как и многое другое. Но вся мощь его личности – в смелости. Школьники лучше взрослых замечают, берёт ли учитель на себя действительную ответственность или только формальную.

Поезд привёз нашу большую компанию на Валдай. Валдай – живописный холмистый край лесов и озёр. Но как-то мы не вкусили сполна его красот. Жили в гостинице, кормились в ресторане «Дар Валдая», посетили несколько экскурсий, например «Тропинками зимнего леса», и все это меньше впечатляло, чем палаточный поход на природе. Можно сказать, мы были около природы, а не на

природе. Лесной Валдай, конечно, тоже запомнился нам – жителям степей Оренбуржья, но был беднее событиями. В походе идёт одоление маршрута, а с ним и проявляются характеры. Постоянно что-то происходит, преодолеваются километры и необычные ландшафты, глаз радуют панорамы, слышатся остроты по существу, в словах звенят и добрый смех, и сарказмы. Поход – это большая жизнь! А что экскурсии? У школьника каждый учебный день словесные экскурсии, его постоянно фаршируют знаниями, от которых оскотины. Слова, даже самые хорошие, лишь тогда ложатся на душу, когда есть пережитый опыт, а на школьника только и сыпятся слова, слова, слова...

Какие «Тропинки зимнего леса»? Подростку ломиться надо по колено в снегу! Вечерами, смотришь, дурь и вопли преодолевают молодёжь по комнатам, кто-то, прячась, покурил; пошлятина срывается с уст от недостаточной натруженности. Надо ли было тащиться на Валдай ради этого. Поездка, не сказать, чтоб оказалась бесполезной, но походы школьникам нужней. Комфорт больше пойдёт на пользу пенсионерам. Ближе к концу пребывания «на курорте» с таким выводом соглашалась вся группа.

Кризис

К концу второго года меня подъедало чувство неудовлетворения. Я кипел в работе, а у моих школьников оставалось много пустого времени. Несколько активных учеников увлекало чаще хулиганство. Большая часть класса имела какую-то безынициативность и шла на поводу активности первых или замыкалась в себе. Походы оживляли класс, рождали интерес к здоровым порывам, а будни снова уводили в пустопорожнее. Жизнь в обычных условиях и в походе – это две разные жизни. Одна в социуме, а другая – изолировавшись от него, как на необитаемом острове. Изолированность походной группы требует полного самообслуживания, не бестолковой активности и умения считаться друг с другом. Мгновенно в новых условиях начинают выстраиваться и новые отношения. Рождается своего рода мини-государство. Строить эти отношения по-новому вдали от гниловатого социума значительно легче. Разумеется, они не построятся в лучшую сторону автоматически: многое зависит от состава группы, её актива и организатора. В походах происходил некоторый разрыв с привычками, укоренившимися дома, на улице, от скуки в школе. Настоящий маршрут, как любое большое дело, страшился не только физическую лень, но и душевную. Но жизнь не состоит только из праздников, песен и путешествий. Учебный процесс в 8-ом классе тянулся примерно также, как и в 7-ом. Учебная повинность съедала основное время и не прибавляла особенно ни знаний, ни стремлений. Дома мои школяры тем более не учили домашних заданий и норовили после уроков ускользнуть от родителей на улицу.

Просиживание большей части дня на уроках, кружок по интересам два часа в неделю, полчаса на день бытовых работ по требованию родителей, телевизор в качестве пассивной забавы (сегодня интернет) и улица, которую родители боятся – вот всё содержание жизни подростка. Не всех, но большинства. Всё это большинство прозябает без внятных для себя целей, хотя многие взрослые и

считают, что цель детей – учиться. Как умел, я предлагал классу различные кружки и хобби. Наверное, под влиянием моды на психологические тесты, даже провел несколько письменных опросов. Например, на классном часе каждый написал, с кем бы он пошел в поход, поскольку мы походники. Ответы всем не оглашались, но было подсчитано для каждого ученика, сколько желающих хотели его с собой видеть. Тест, надо сказать, воспринялся волнительно. Для многих это был взор на себя и на отношение к себе сверстников. Был также опрос о том, кто как любит проводить время. Картина оказалась не интересной: процентов 80 – «любили гулять», т. е. без дела вечерами шататься и что-нибудь натворить, лучше сказать, навредить. Типичное времяпровождение бездельников и, в особенности, шпаны. Мне было известно, как маются некоторые из моих богатырей. Дурная инициатива в их кругу пользуется спросом и от делать нечего кто-нибудь обязательно напакостит: разобьет плафон на спортплощадке, заорет во всю глотку ночью в подъезде, начнёт задираться ко всем под прикрытием толпы. Драки или тихое издевательское угнетение в среде подростков, скрытые от взрослых глаз – это постоянные явления школы и улицы.

Однажды на собрании одна из мам назвала свою дочь непутевой и добавила: «Мы ведь все равно их любим». Я тоже уважал всё, что можно было уважать в своих учениках, но напирал на них. «Максимум уважения и максимум требований», – формула Макаренко, которого забыли сегодня несмотря на то, что за весь XX век ЮНЕСКО назвала только четыре педагога, как самых выдающихся в мире, в числе которых и Антон Семёнович. Эта формула как раз противоположна всем сегодняшним сладким постулатам, суть которых: лелеять эгоистика. Класс, всех вместе и каждого по отдельности трудно было сдвинуть с нажитых привычек. Удручали больше не хулиганские выходки. От них в перспективе можно избавиться. Мало было стремления жить не обывательски: хоть бы несколько человек зачитывались книгами или сами рвались к каким-то не ерундовым увлечениям. Присутствовала какая-то не сдвигаемая пассивность. То, что предлагалось мной, многим нравилось, но собственная инициатива мало активизировалась. Некоторая часть класса совершенно ничем живым не интересовалась. Пассивность большинства – это одна сторона; другой – было отрицание всей взрослой жизни. И даже это отрицание выражалось в пассивной форме. Дурная инициатива, конечно, иногда проявлялась, на то и трудный класс. Но в принципе, мало было серьёзных целеустремлений.

При всём старании работы с классом я видел слабый результат. Мои ученики двигались в основном туда, куда тянуло общее течение жизни. Куда же уносило всех течение? Состояние общества этого времени хорошо показано в фильме «Курьер». Фильм нельзя назвать особенно талантливым, но в нём верная концовка: и старшее поколение, живущее своей инерцией и молодёжь, их дети находятся в тупике. Не только отцы и дети не понимают друг друга; никто вообще не понимает, куда заворачивает жизнь. Фильм не отвечает на вопрос: куда движется общество. Чем он заканчивается? Главный герой должен после школы призваться в армию и смотрит в глаза демобилизованному воину, возвращающемуся домой. Глаза воина очень серьёзные, а на лице – шрамы,

полученные на войне в мирное для страны время. Вся остальная молодёжь танцует модный тогда «брейк»; она также тяготеет к сборищам в кабаках, а уже выделившаяся омещанившаяся часть – к нарядам в парижских журналах. Много молодых людей мельком охвачено сценарием. Уход от действительности посредством суррогатов и мещанство – вот отражающаяся суть надвигающегося времени. Брейкующие все в каком-то забытьи, как в опьянении. У молодёжи внутренняя вялость и поклонение Западу. Старшему поколению претит жизнь своих детей, но они тоже уже без прежних своих идей и обросшие предрассудками. Фильм замирает на неизвестном будущем.

А в настоящем у всех пассивность и растерянность. В последствии этой варёной пассивностью населения воспользуются «предприимчивые» люди, и жизнь всех обретёт смысл: бедные, становясь ещё беднее, начнут бороться за существование, а богатые – на том обогащаться до одурения. Но это будет потом. В год выхода фильма, который показывает тупик общества, я требовал от класса стремиться к другой жизни, не обывательской: противостоять ей.

Конфликт

Скажу сразу, я не принимал мещанства и обывательщины и воинственно плыл против течения. Всему классу иногда выдавал тираду возмущения, сваливая все подряд в кучу: мелко плаваете, чем вы интересуетесь, никаких целей, дешевая романтика... Нажимал я, может быть больше, чем надо: закипал, горячился, возмущался иногда срывался. Риту Степченко за очередную выходку обозвал в порыве «дурой». Конечно, потом я извинился, класс мне это простил, а Рита – тем более; в классе не было злопамятных. Но это было уже противостояние: учитель – класс. Пожалуй, я излишне цеплялся за внешние выходки, дело было не в них. Не столько внешнее поведение возмущало, сколько приводило в отчаяние неспособность сопротивляться общему обывательскому течению.

Часть учеников, конечно, чувствовала правоту моих упрёков, но от понимания до того, чтобы менять себя – не малое расстояние. К тому же упрёки не помогают сближению. На компромиссы по большому счёту идти я не мог, и трещина отношений с классом увеличивалась. Дело было не в моём умении или неумении искать компромиссы. Компромиссы в чём? Надо было забыть Чехова и Щедрина, язвящих мещанство? Я не мог уступить обывательщине, а мои ученики не могли быть мудрее своих родителей, школы, всего общества. Это сейчас уже можно всё бесстрастно формулировать, а тогда было много эмоций.

Я напирал на своих школьников. Не вспомню детально, но к какому-то моему поручению одна из девочек в классе сказала:

– Мы сделаем, потому что Вы требуете: у нас нет выбора. Вы сильный человек и давите...

– Так, если нет инициативы? Впрочем, если вам тяжелы мои требования, можете от меня отказаться, как от классного руководителя.

Кто-то усмехнулся, подразумевая что со школьниками в таких вопросах не особенно считаются. Но я заявил, что улажу все с администрацией сам, ничего не сваливая на класс: навязчивым классным папой быть не хочу.

Будни школы продолжились. Месяц спустя наступила развязка. Когда я пришел на очередной урок, Рита Степченко встала и класс напряженно замолчал. – Мы хотим... отказаться... – сказала она, глядя в окно.

У меня только и мелькнула мысль: «Степченко и здесь взяла на себя труд сказать от всего класса».

Такой разрыв был, по крайней мере, честным. На захлестнувшую меня обиду я накинул узду. Учительская работа – это частые крутые виражи. На самых крутых поворотах у меня воспиталась выдержка.

В это время в школе сменился директор. Он был вспыльчивым человеком, но искренним и умным. Он понял драму и мою упертость не возвращаться, и не пошёл выяснять с классом случившееся. Побегал, побегал нервно по своему кабинету и развёл руками...

Разрыв я пережил как ранение. Многие в классе тоже испытывали неловкость или стыдились меня, особенно девочки: женская натура всё-таки потоньше. Всем было понятно, что я работал с отдачей и бескорыстно. Я много привнёс в класс и в то же время, во многом его ограничивал. Ограничивал, прежде всего, в привычках. Ограничивал в одном и требовал инициативы в другом: так мне по крайней мере казалось. Оставаясь в школе до конца учебного года, мы с трудом и даже с излишней вежливостью контактировали, когда случалось пересекаться. Ни один из учеников при встрече даже намёком не показал мне неуважения. После окончания учебного года я уволился с работы и уехал с рюкзаком жить в другой город.

Молодость не оглядывается назад: своё фиаско я не обратил в обиду и в разочарование. Но уже тогда отчасти было понятно, что трагедия учитель-класс – не только наша персональная трагедия. Разворачивалась трагедия всей школы, переходящая из советской жизни в сегодняшнюю.

Может быть я торопился с результатами? А может быть жизнь уносила всех по течению, и заплыв учителя против течения ничего не значит? Эти вопросы я задавал себе позже..., а сначала переживал трагедию.

Фильмы о школе

Если смотреть на искусство, как на отражение жизни, то лучше всего показали школу советские художественные фильмы. Чего только стоят «Республика Шкид», «Доживем до понедельника»! Можно ли найти нечто подобное в мировом кинематографе, в том числе и в довлеющем монополистском Голливуде? В эпоху кризиса советской школы, как и всего общества, лучшими, наиболее правдивыми, можно назвать три ленты: «Чучело», «Пацаны» – 1983 год, «Дорогая Елена Сергеевна» – 1988 год. Если к кино не относится только, как к забавам и времяубиванию, в этих фильмах – обнажающая правда всей жизни. Ведь и учителя-то не плохие, а цинизм школьников нарастает. Каждый фильм – жестокие конфликты из-за малодушия или даже подлости подростков. Куда уносится общество вместе со школой? – главный вопрос этих фильмов. Общество подгнивает, и это выпирает в нравах школьников. Куда всех поворачивает: к очеловечиванию или оскотиниванию? – ставится вопрос со всей эмоциональной силой талантливыми сценаристами, режиссёрами, актёрами.

Ролан Быков особенно остросюжетно хватается за тему школы. Подгнивание больше видно на молодом поколении и в первую очередь ощутимо в школе – подсказывает всем кино. Сползание в сумасшествие – общая трагедия большой страны. Эта трагедия не могла не коснуться нашего класса, она была жестокой закономерностью для большинства школ. Трагедия нашего класса оказалась даже мягче, чем в фильмах.

Новой не советской жизни соответствуют и новые фильмы. Один из таких низкопробных и потому раскрученных: «Географ глобус пропил». В чем третьесортность «Географа...»? В нем не показан типичный учитель (или даже не типичный) из нормальных. Главный герой фильма ничего не умеющий, никчемный прозябатель, алкаш-авантюрист, чуть не топит школьников на сплаве в походе. Разве совсем нет в школе настоящих учителей сегодня, которые могли бы быть героями нашего времени? Или героями должна быть только криминальная братва? Ау-у-у-у, писатели, художники, сценаристы! Где вы? Напишите, как есть про будничную жизнь на работе и дома учителя, врача, простого работяги, и появится новый шедевр в искусстве. Отмороженные Рембо и Шварценеггеры на русский манер – это заказ верхушки больного общества, а где фильмы для очеловечивания людей? Душевно больные и с вывихами герои штампуются для одурачивания населения огромными тиражами. Напишите правду про честного человека, человека с совестью, как он мыкается и сопротивляется обывательщине, косности и социальному злу. Первые три фильма («Чучело», «Пацаны», «Елена Сергеевна») околоперестроечных времен ставят вопрос: куда плывет общество? «Географ...» не ставит никаких вопросов, он констатирует факт: уже приплыли... и что самое главное, смиряет обывателя с уродливой действительностью. Это вторая функция искусства: смирять или не смирять людей с ненормальностью в жизни. Первая функция искусства, как известно из учебников эстетики: отражать жизнь. Смирение с паразитством, с уродливостью всей социальной жизни есть реакционное, развращающее людей искусство. Это искусство проплачивается и жирными порциями преподносится телевидением, интернетом, рекламой. И также в театрах.

Ещё про искусство... Многие экзальтированные эстеты часто пишут банальности в интернете, вроде той, что красота спасёт мир. Мир спасет борьба за красоту, а не красота сама по себе. Красота существует с незапамятных времён и торжествует лишь тогда, когда её отстаивают: инквизиция прятала красоту, сжигала на кострах молодых женщин и понадобилась большая историческая полоса борьбы, чтобы дойти до эпохи Возрождения.

Много лет спустя

Прошло много лет. Жизнь послеперестроечная поменялась для всех; поменялась целая эпоха. Я много ездил, водил по-другому в походы школьников... и вспоминал «трудный» класс. За суетой в Оренбурге почти не бывал. И вот однажды мы договорились встретиться классом... Меня, как мальчишку, охватывает волнение. Я поднимаюсь на пятый этаж. Сбор всех у Гали Фирсовой всё в той же квартире. Человек пятнадцать солидных мужчин и женщин

(больше, конечно, женщин) стоят построенные в шеренгу. Их атаманша, положив два пальца в рот, издает пронзительный хулиганский свист и обращается ко мне:

– А теперь, Владимир Александрович, угадывайте нас!

– Степченко! Ну что тебя угадывать...

Поднялся хохот. Строй нарушился. Объятыя, реплики, комплименты. Мне кажется, мы никогда не смотрели друг другу в глаза так пристально.

И все-таки двоих я не узнал... Сидя за столом мы, конечно, вспоминали походы и тех, кто не смог прийти на сбор. В альбоме у хозяйки квартиры оказалась сохранившаяся статья из газеты про нашу кавказскую Одиссею. В воспоминаниях открывались эпизоды, которые я никак не мог знать. Да и не надо учителю знать про все проделки учеников. Эти проделки, выходки, теперь всем казались смешными. Мы хохотали и перебивали в рассказах друг друга. Была и грусть, о которой не сказать с ясностью: в этой грусти какой-то налёт прожитой многолетней тяжести. На прощание Лена Вишенкова благодарит хозяйку квартиры:

– Спасибо, Галка, что собрала всех у себя. А я побоялась к себе пригласить. Мы же сейчас живём все по-разному.

Социальное расслоение давит и одноклассников: уже по этой причине трудно собраться всему классу вместе. Расходились очень поздно и договорились снова встретиться у Ирины Чуриковой.

Ира живёт в своём доме. Дом частный, из старых сохранившихся в Оренбурге, пожалуй, скромный, но в нём много картин на стенах. Ирина – художница. Не подумайте, что я начну сейчас перечислять, кто стал лётчиком, врачом, художником. Статусы и должности не определяют суть человека. У Ирины мы сидим также за обильным столом. Последним приходит Антон Буровин. Я встаю из-за стола здороваться.

– Картина маслом: Владимир Александрович обнимается с Буровиным, – язвит Степченко. И все хохочут от восторга встречи класса.

Антон жизнь переломила в лучшую сторону, я сразу это почувствовал. Мы потом говорили с ним наедине о его перевоплощении. Антон стал рассказывать:

– У меня мама болела, да Вы же знаете об этом, пришлось мне помогать выживать всей семье. Особенно в 90-е было трудно... А Вы, конечно, необычно с нами работали, об этом я вспоминал.

– Я тебя в классе гнобил, Антон. Обижаясь?

– Ну, как можно, Вы думаете, что я мелочный?

Мы пожали друг другу руки.

Здесь уместен вопрос: повлиял ли я на Антона как учитель? Думаю, вряд ли. На него повлияла ответственность за мать, за семью и родственников... А я, может быть, в какой-то мере что-то не разглядел в нём раньше. Вернее, не так. Я на всех повлиял, но больше влияло общее течение жизни: эпоха и её нравы.

Тему трудного класса я не считаю особенной, хотя с «трудными» мне пришлось пройти несколько кругов. Расскажу совсем коротко ещё об одном классе – не трудном. Ведь школа представляет в большинстве не трудных учеников. За три года до работы с восьмиклассниками я был классным

руководителем в 5А классе в другой школе того же района Оренбурга. Класс «А» был, как правило, благополучным, но это не делалось специально: он составлялся первым, а значит более организованными родителями. Вообще «трудные» классы вырисовывались уже после начальной школы. Пятиклассников я тоже водил в походы. С ними я работал только год, и мы также сходили два больших и несколько двух- или трёхдневных походов с ночевками в палатках. Один из них проходил в сердце Южного Урала в сплошных лесах и с восхождением на каменистую вершину Большой Иремель. Маршрут был очень трудным. Там мы даже не на шутку заблудились. Несмотря на испытания, походы ребятам сразу понравились. Дети, вообще, чем младше, тем живее и тем легче их увлечь живым делом.

Были и другие у нас общие мероприятия. На 23 февраля – в день рождения Красной Армии мы затеяли штурм крепости на окраине города. Штурм не совсем выдерживал идею праздника и был построен по сценарию того, что преподавалось по истории. В классе четыре звена: три из них персы, а одно – храбрые спартанцы во главе с Леонидом. Я, разумеется, был царь Ксеркс и у меня три звена.

- Войны! – восклицаю я в духе типичного деспота, - весь мир принадлежит мне и лишь одно пятно омрачает мою жизнь: непокоренная Греция. Сметём непокорных!

И начинается штурм. Я сижу на троне и мёрзну, а рядовым воинам жарко в битве. Да, забыл сказать, что битву мы специально наметили ночью, «чтобы интересней было». С вечера воздвигли крепость из снега на краю оврага, а на ночь приготовили шомполы, которые полили солярой из бутылки. Огонь на шомполах, дым с сажей, истошные вопли, горящие глаза – все по-настоящему! За часа полтора мы перепахали овраг, а ещё два часа искали обувь двух воинов. Снег глубокий, да еще в овраге, и в азарте двое ребят потеряли по ботинку. Обувь искали уже всем классом и не нашли. Пришлось порвать мою «богатую персидскую чалму» на два куска и обмотать воинам «раны». В город мы возвращались в час ночи. Строй наш с огнями на шомполах с измазанными сажей физиономиями немало удивил мирное население, выглядывающее из окон девятиэтажных домов. Тем, что мы учудили на весь микрорайон, я снискал себе славу и «ненормального» учителя, и энтузиаста, что было одно и тоже по смыслу. В глазах же своего класса я не проигрывал: у нас было полное взаимопонимание.

В жизни любого коллектива выступают иногда противоречия, борьба некоторых эгоизмов. Несогласия часто бывают и легко разрешимыми. В классе каждый мог высказать свое мнение, была в принципе открытость и любое противоречие достаточно легко решалось. Много ребят было ярких. От ребят я нисколько не дистанцировался (ну и не запанибрата). Многие из них даже иногда бегали со мной кроссы по утрам. Дети жили в компактных дворах и недалеко от школы. Я – семьёй там же. В общем, работалось как-то, боюсь пафосного слова, одухотворённо.

Обстоятельства мои позже сложились так, что по окончании учебного года я уехал на год в другой город. А когда вернулся в Оренбург, меня в эту школу не

взяли, да и у класса был классный руководитель. Хотя ребята меня, конечно, ждали. В последующие годы классные руководители у них часто менялись. По отзывам, которые я слышал, класс не сложился в особенно дружный. О себе я оставил восторженное воспоминание и думаю, одновременно некоторую обиду тем, что исчез после года работы. Много лет спустя с частью класса мы дважды встречались. Если предположить, что я проработал бы в этом классе до выпуска их из школы, то думаю, много могло бы быть хорошего, но идиллии по мере взросления учеников оставалось бы меньше и меньше. Пятиклассники ещё принадлежат родителям, они верят им и живут их заповедями; они также пока послушны учителям. Вырастая и переходя в подростковый возраст, семиклассники уже пробуют сомневаться или даже отвергать родительские намерения. Они уже сами дотягиваются ростом до родителей и по законам возрастной психологии претендуют на самостоятельность. В этой самостоятельности кого куда завернёт: на подростков уже больше влияют не родители и педагоги, а общество. Завернёт каждого, безусловно, на базе того, что заложено всем детством. Но всё-таки с восьмиклассниками было бы уже намного противоречивей, чем с ними же в возрасте пятиклашек.

Роль учителя велика! Но общее течение жизни более цепко держит школу и души школьников. Мне встречались одаренные и самоотверженные учителя; их усилия приносили большие плоды, они повлияли особенно сильно на отдельных учеников, но принципиальнее сказывалась на всех власть общества. Нетрудные классы тоже уплывали по общему течению жизни. И в них не обходилось без жестких конфликтов. Надо сказать, официальная власть в этих конфликтах всегда пытается сделать козлами отпущения учителей, а не гнилое общественное устройство. А все добропорядочные мещане поддакивают порядку в беспорядке или «политикой не интересуются».

Судьба учеников после школы – самое интересное в работе учителя. И семиклассники, и пятиклассники, о которых я рассказываю, – ровесники: им уже по 45 лет. Их судьбы давно определившиеся. Кто сейчас мои школьники? Какие они, как люди? Разве это не самый интересный вопрос? Я не берусь отвечать на этот вопрос за каждого, потому что многого не знаю. Не люблю субъективность. И о чём знаю, не всегда могу рассказывать, потому что не всё может быть корректным, даже при хороших итогах. Сказать про всех: мои «трудные» не оказались в жизни труднее тех, кто вышел из благополучных классов. В этом я удостоверился точно. Мне удаётся встречаться очень со многими из бывших школьников в силу разъездного образа жизни и интереса к искреннему общению. Разница, конечно, между трудными и не трудными классами есть. Работать легче, безусловно, с нетрудными. Из класса «А» половина учеников получили высшее образование, а вторая половина выучилась в техникумах и ПТУ. Из класса «Б» - в основном окончили ПТУ и техникумы. В соответствии с притязаниями многие подобрали и работу. Социальное расслоение между уже взрослыми людьми больше в классе «А». Класс «Б» за исключением единиц представляет среднего россиянина, то есть не попадает по обеспеченности в так называемый средний слой. Большинство выросших учеников из обоих классов остались жить

в Оренбурге. А несколько человек уехали в Москву и Петербург. Есть такие, кого судьба никак не пощадила – такой век – и таких больше из класса «Б». По человечности люди провинции проще, добрее, искреннее, и я не знаю таких из моих трудных оренбургских учеников, кто бы выродился в негодяя. По-настоящему трудные, с черствой сущностью эгоисты встречались мне в основном в столичных городах и, как правило, не в трудных классах. Чаще они имели благовоспитанные манеры.

Возьму две судьбы. Рита Степченко – поскольку я о ней больше рассказывал – работает, чтобы зарабатывать на жизнь, у нее хорошая семья и поёт она раздольные песни в хорошем хоре. Характер тот же – яркий, но появилась материнская мягкость. Мне особенно импонирует то, что она поёт, что живёт не только заботой о хлебе насущном. Пробовала она ещё петь и в известном ансамбле, но из-за плохой атмосферы ушла оттуда – тоже добрый знак. Ещё одна судьба: Сергей Тазетдинов из другого класса. В самом первом походе мы шли по жаре, и Сергей упал в обморок. Все перепугались, мы положили пострадавшего на рюкзак, приложили ко лбу мокрый платок и когда он пришёл в себя, дали ему попить. Сергей встал, как-будто бы проснулся, и этим рассмешил всех. Он слишком много нагрузил себя общественными продуктами. Это я понял, когда стал разгружать его рюкзак. Не рассчитал турист свои силы. Так может не рассчитать свои силы только хороший мальчишка. После девятилетки Сергей поступил в педагогическое училище, а по окончании его, уехал работать по распределению из города в деревню. Там он работает, живёт семьёй и сейчас. Не многие посчитают судьбу сельского учителя завидной, а я знаю, что Сергей – хороший учитель. Успешность, которой кичатся многие в соцсетях вряд ли вяжется с учительской профессией. Успешным может быть изворотливый бизнесмен, процветающий для самого себя. А учитель, вошедший в класс – тут же окружён школьниками. Учительская работа – это жизнь вместе с людьми, а не только для себя.

Судьба бывших учеников всегда интересна учителю. И выросшие ученики обязательно вспоминают своих учителей. Школа – часть жизни каждого человека. Со школьниками я работал многие годы. Мы вместе ходили и ходим в походы, что делает нашу жизнь ярче и гуще. Учительская работа, как и все мои походы со школьниками позже – самая творческая часть моей жизни. Со многими учениками, нередко почтенного возраста, я дружу до сих пор. Разве не повезло мне в жизни с профессией!

2020 г.

Владимир Снатенков